

ринат валиуллин

не складывается
— **ВЫЧИТАЙ**

Будь солнцем!

Помни, ты сама себе звезда
и можешь греть других.

18+

Ринат Рифович Валиуллин
Не складывается – вычитай
Серия «Проза для гурманов»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63541158

Не складывается – вычитай : [сборник рассказов] / Ринат Валиуллин:

АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-100990-8

Аннотация

«Не складывается – вычитай» – книга о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. Двадцать три истории о чувствах: позитивных, неожиданных, дерзких – не всегда взаимных, порой оставшихся теплым воспоминанием из прошлого, о чувствах, которые могут зародиться даже после случайной встречи в лифте и не угаснуть после нескольких лет брака. Все истории взяты из жизни, ни одна из них не выдумана.

Содержание

Про Любовь	7
Мадам Клико	14
Когда женщине скучно	19
Подойди и поцелуй его	28
Путешествие домой	36
Курьер	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ринат Валиуллин
Не складывается
– вычитай. Книга
невыдуманных историй

В книге использованы рисунки автора – *Рината Валиуллина*,

и его сына – *Руслана Валиуллина*

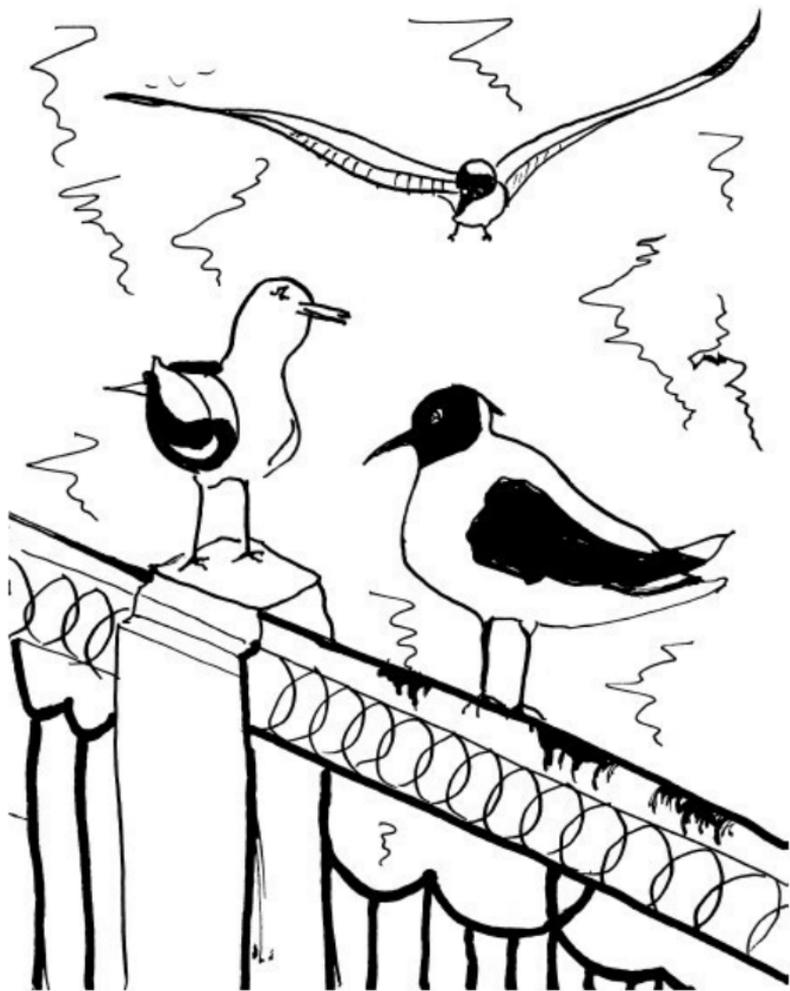
© Валиуллин Р., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

В этой книге нет придуманных сюжетов. Все истории произошли со мной или с моими знакомыми. Мне оставалось лишь перенести их на бумагу, чтобы вы смогли унести их с собой. Эта книга способна превратить любое одиночество в приятное уединение: дверь, которая только что была закрыта снаружи, легко откроется вам изнутри.

Искренне ваш, В. Ринат

Про Любовь

За девушкой надо ухаживать. То, что ты пишешь ей день и ночь, еще ничего не решает, считай, что ты просто заполняешь анкету, чтобы устроиться к ней на работу. Я хотел бы устроиться, но учился в школе, в седьмом классе. Люба на два года старше и по идее должна была учиться в девятом. Но для этого она оказалась слишком взрослой и самостоятельной и потому после восьмого класса решила, что знает достаточно, и пошла работать на почту вместо своей матери, которая вышла на пенсию. Вопрос касался не только сознательности. Денег в семье не хватало, а Любе так нравилось быть независимой. На школьных вечерах, где я как всегда играл вместе со своей группой, Люба обычно стояла одна, всем отказывала и никогда ни с кем не танцевала. Я часто смотрел на нее со сцены, недоумевая, почему самая красивая девушка в округе ни с кем не ходит, как тогда выражались. С каждым таким вечером во мне крепла уверенность, что парня у нее нет.

Этим вечером мы по обыкновению играли битлов и Rolling Stones. В перерыве я набрался наглости, подошел к Любе и дрожащим голосом спросил:

– Почему ты ни с кем не танцуешь?

Люба громко рассмеялась, подарив мне очаровательную улыбку с ямочками на щеках и сказала: «Не с кем. Ты же все время на сцене. Вот я и не танцую!»

– У тебя хорошее чувство юмора, – улыбнулся я.

– А у тебя голос хороший. Он не хороший, он волшебный. У меня мурашки от него по телу. Понимаешь?

Я не понимал, прикалывается она или говорит серьезно. Лицо ее по-прежнему светилось улыбкой.

– Хочешь потанцуем без музыки с тобой?

– Я не умею... То есть я никогда не пробовал, – опешил я от неожиданности.

– Я тебя научу. Одной рукой берешь меня за руку, – взяла она мою руку, – а другой за талию, – положила вторую мою руку на свою талию, и я через ткань почувствовал тепло женского тела. Потом она качнулась, чтобы сдвинуть мое окаменевшее тело, сдернуть с цепей мою оцепеневшую душу. Мы медленно закружились, и у меня закружилась голова. От Любы пахло приятными духами и любовными приключениями.

– Не упади, Джимми, – опять рассмеялась она, закинув на мгновение голову назад. – Ты прикалываешься или тебе правда плохо? Ты весь бледный! – перестала она смеяться. – Давай выйдем, проветримся. Она взяла меня за руку и вывела из танцзала.

Снаружи было прохладно, она в легком платье с открытыми плечами.

На улице я очнулся, пришел в себя, снял свой пиджак, накинул его на эту красоту.

– Я знала, что рано или поздно ты ко мне подойдешь. У меня на этот счет уже заготовлен план: тебе осталось петь

минут сорок. Я сейчас уйду, а ты как закончишь, приходи на почту. Буду тебя ждать. Там в это время никого нет. Ключи у меня с собой в сумочке.

Я отыграл последний сет, на финал залудили «Satisfaction» минут на 15. Поручил Сереге захватить мою гитару и пошел на почту, что была в пяти минутах ходьбы от школы.

– Привет, Джимик! – встретила меня внутри Люба. – Я боялась, что ты не придешь, испугаешься! Я так рада, что ты здесь. Садись на диван. Я сейчас сбегаю домой, кое-что надо принести.

У меня не было выбора. Я сидел и ждал, разглядывая почтовую канцелярию. Стопки газет, журнал «Работница», взгляд мой привлекли марки, выложенные за стеклом приемного окошка. Я подошел и стал рассматривать. 14-й съезд ВЛКСМ с профилем Ленина, Олимпийские игры в Лейк-Плэсиде, серия живописи из Третьяковской галереи. В этот момент вернулась Люба, уже совсем не нарядная, в домашнем платье и сандалиях. Длинные каштановые волосы завязала в хвост. В этой простоте мне она показалась еще красивей. Она не старалась мне понравиться, просто не сомневалась в своей неотразимости. То качество, которого не хватало многим девчонкам для успеха в личной жизни. В одной руке она держала бутылку болгарского крепленого вина «Тамянка», а в другой обычную акустическую гитару.

– Выпьем за знакомство, – изящно разлила она вино по

стаканам. – Мы, конечно, давно друг друга знаем, причем я знаю тебя гораздо лучше, чем ты меня, но заговорили сегодня впервые. Давай за нас!

Мы чокнулись и выпили залпом по полстакана.

– Теперь знаешь за что пьем? За меня! Как меня зовут?

– Люба.

– А полное имя?

– Любовь.

– Правильно, Джимик! Пьем за любовь! Ты знаешь, что такое любовь?

– Нет.

– Как же так? Ты ведь все время об этом поешь.

– А ты знаешь?

– Конечно! Я тебе сейчас расскажу, – поцеловала она меня крепко в губы. Потом так же резко оставила их и посмотрела на меня очень серьезно.

– Только не подавись, красавчик! Я же не заставляю тебя признаваться мне в любви прямо сейчас! Ты можешь подумать несколько счастливых минут.

– Пока ты будешь мне играть на гитаре и петь? – спросил я. Люба была одна из тех редких девчонок, которые были в ладах с этим сугубо мужским инструментом. Да и голос у нее был приятный, глубокий, как и положено Любви.

– Нет, красавчик, ты будешь играть и петь для меня. Ну пожалуйста! – взяла она мою руку и поцеловала. – Ты сегодня спел свою новую песню. «Девушка танцует». Это же чу-

до какое-то! Ну спой, я хочу ее услышать еще раз.

Она всучила мне гитару и села на деревянный пол прямо передо мной.

Я запел. Она смотрела на меня, улыбаясь, и в глазах ее были слезы. Искренность светилась кристаллами. Они замерли и не хотели падать.

Когда я закончил, она тут же встала, подошла ко мне и обняла.

– Обожаю тебя, Джимик!.. Только не разочаровывай меня. Скажи, что это песня про меня, для меня, что это твой подарок мне.

Я молча опустил глаза на гитару, провел по струнам рукой, чтобы как-то нарушить эту тягостную паузу. Гитара ответила мне понимающе. Умная женщина.

– Ты пел ее позавчера на дне рождения у Светки. Это было так приятно.

– Ну пел, и что? – посмотрел я на свою Любовь многозначительно.

– А то, что все, кто там был, решили, что ты написал это про меня. И я тоже.

– А почему они так решили? – снова погладил я свою любимую кошку, та мяукнула. всеми струнами своей души.

– А про кого ты еще мог такое написать? – еще очаровательнее улыбнулась Люба. Слез и след простыл. Они высохли, так же незаметно, как роса по утру. – У тебя на глазах все написано, – пыталась она прочесть в моих глазах подтвер-

ждение.

Мне снова пришлось спрятать глаза в деку. На самом деле, я сочинил очередную песенку с вымышленной героиней, но в тот момент мне пришлось соврать. Люба вымолила из меня это вранье во благо. В общем-то, мне было не жалко. Щедрость – еще одна черта, против которой не может устоять ни одна женщина.

– Да, тебе... – улыбнулся я Любе самой честной улыбкой, потому что в моей голове уже крутился мотивчик другой, совсем новой песни, которая по праву будет принадлежать только ей. У каждой любви были свои мотивы.

Мадам Клико

– А что вас больше всего интересует в женщинах: внешность или достаточно содержания?

Я улыбнулся, вращая за талию в руках прозрачный бокал.

– Вы правы, стекло привлекательно, но я предпочитаю вино.

– Тогда берем пластиковые?

– Как ты меня понимаешь, – поставил я бокал обратно на полку, и скоро мы с Варварой, купив только самое необходимое, вышли из магазина. Мы решили припарковаться не отходя от кассы, не нашли ничего лучше, чем лестницу, ведущую к спортивно-концертному комплексу. Концерты здесь были редки, спортивные турниры тем более. Вокруг тишина и ни единой души, мы сели на теплые, нагретые солнцем ступени, ведущие к спорткомплексу, бетонная лестница была шириной с проспект, солнце предлагало нам свой апельсиновый сок, глядя на нашу трапезу, но мы отказались, так как у меня кроме пиццы было кое-что получше.

– Что ты думаешь о времени? – провожал я взглядом бегущие от нас облака.

– Думаю, который час, – засмеялась она. – А ты?

– Время не остановить.

– А конкретнее.

– Время, как лестница из трех ступеней, прошлое, настоящее и будущее, то есть начало, середина и конец.

– Не слишком ли ты суров к будущему?

– Скорее равнодушен.

– Почему?

– Потому что там нет меня.

– Почему нет?

– Потому что как бы ты ни старался, любое будущее недосыгаемо, стоит только к нему подтянуться, как оно сразу становится настоящим.

– А настоящее наше прекрасно! – достал я бутылку шампанского из рюкзака.

– Ты с ума сошел. Я думала, эта Мадам для особенного случая.

– Ты опять про будущее, а я хочу жить в настоящем.

– «Мадам Клико» из пластиковых стаканчиков. Как ты думаешь, она не обидится?

– Нет, мы же сделаем это абсолютно бездарно.

– Да почему бездарно? Ты даришь мне этот закат. Мне, правда, кроме себя подарить тебе нечего.

– Нет лучше подарка, чем женщина на грани соблазна.

– Я бы сказала, по уши в разврате.

– Это если бы мы дружили... Но мы же любим. – Внизу на асфальтовом поле рычал одинокий байкер, разгоняясь то и дело, он пытался поднять своего коня на дыбы, но кишка была тонка: риск упасть на спину не давал ему ни шанса. Я сразу вспомнил: «Кто не рискует, тот не пьет шампанское». Я рискнул, сразу получил и шампанское, и королеву. Посмотрел на нее, она никак не могла понять, чем занимается гон-

щик. Видно было, что он ей не нравится. «Женщинам вообще трудно понять таких мужчин, которые не могут решиться на что-то, но хуже всего, когда они пытаются с такими мужчинами жить. Вот где начинается настоящая пытка. Такие жены либо тоже становятся нерешительными, забитыми, сутулыми, либо уверенными настолько, что мужчина отваливается сам собою». Мы постепенно привыкли к этой заставке с его заговорами.

– Что-то не может, – глотнув, поставил я на место стаканчик.

– Не мужик.

– Да ладно тебе, он же тренируется.

– Вот и я говорю, что женщины любят рискованных.

– Почему?

– Они настоящие. От них так и несет этим настоящим, – улыbnулась мне дочь вдовы Клико и добавила, – только настоящие способны пить Клико из пластиковых стаканчиков.

– Знаешь, что является главным в отношении с девушкой?

Главное, вовремя открыть шампанское.

После этих слов Варвара смачно поцеловала меня в губы и поделилась своим Клико. Мы закрыли глаза и утонули в поцелуе, когда коснулись дна и очнулись, мотоциклист пропал. Стало тихо.

– Как тебе вдова? Чувствую ее вкус в твоих поцелуях.

– Извини, не мог же я ее бросить с таким преуспевающим хозяйством.

– Кстати, ты знаешь, что успеху своего предприятия она обязана русским, которые закупили шампанское для гусар коробками, в то время как во Франции был экономический спад.

– Гусарили?

– Да, «не то что нынешнее племя».

– А что изменилось?

– Ценность жизни выросла, а любви – упала. Все хотят жить вечно.

– А раньше что?

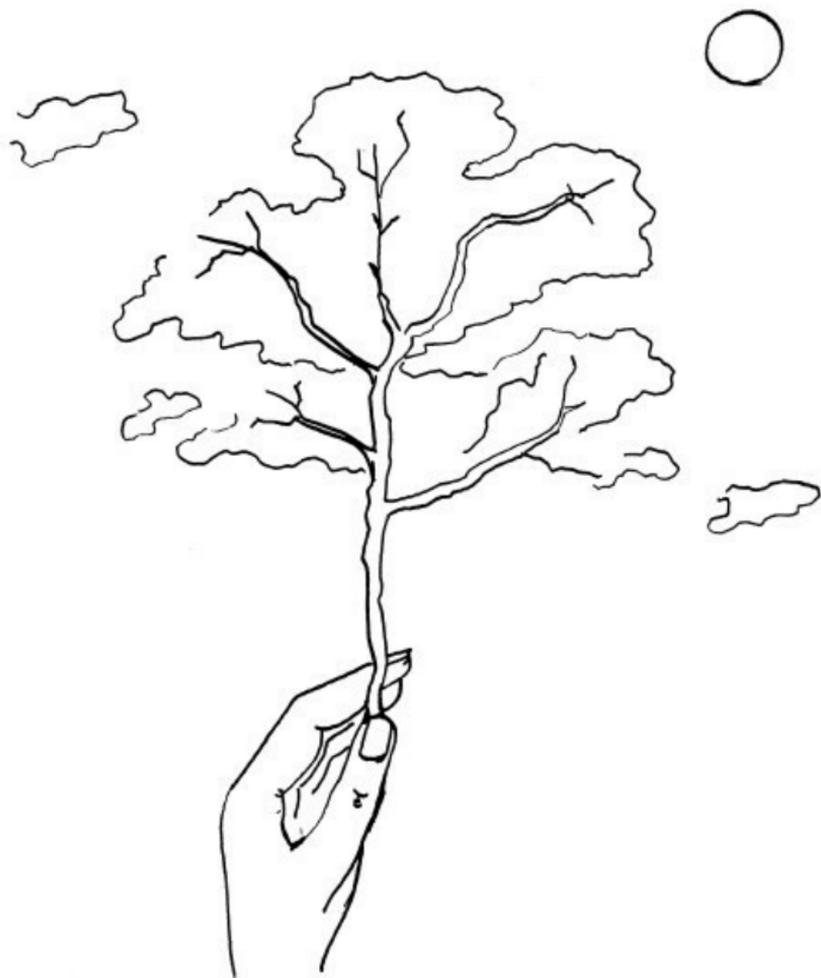
– А раньше хотели вечно любить.

– Где же взять столько шампанского? – добавил я вина в пластмассу.

Солнце исчезло. Целоваться надоело. Шампанское кончилось.

– Пойдем к дому, мадам Варвара? – обнял я ее, увидев, как она уже ежилась от прохлады. Надо было идти, потому что обычно с падением температуры могло упасть и настроение. Очень не хотелось его потерять.

Когда женщине скучно

Очень хотелось чаю. Она открыла холодильник и налила себе вина. В этом вся женщина: мечтает об одном, выбирает того, кто опьяняет. Но того, кто опьяняет не было. Кроме скуки – ничего. Когда женщине становится скучно, она ищет приключений на свою прекрасную часть тела. Весной особенно приятно покрутить хвостом. Весна – это хороший повод влюбиться... в собственную жизнь. А мужчина, что же мужчина? Он совсем другое дело. В одной руке он держит слово, которое дал, когда обещал сделать ее счастливой, в другой держит хвост пистолетом. Очень трудно держать то и другое. Наконец, рука бросает пистолет, полностью сосредоточившись на словах и обещаниях, на кредитах и ипотеках. Он становится скучен и предсказуем, лишенный элементарного риска. В этот самый момент она берет пистолет в свои руки и превращается в прекрасную охотницу.

Дверь от подъезда была предательски открыта, кодовый замок не работал. Я осторожно вошел в темную сырую прохладу дома. Лампочка на 30 ватт привычно экономила на чувствах, нехотя рассеивая свет на тьму. Я заглянул в свой почтовый ящик, достал квитанцию за квартплату, успел удивиться итоговой сумме, когда сзади меня окликнул резкий голос:

– Деньги есть?

– Нет, – ответил я на автомате. Страх не было, по одной простой причине – голос был женский и приятный. Мне по-

быстрее захотелось развернуться, чтобы увидеть ее, но девушка меня опередила:

– Стой где стоишь, лицом к стене. Медленно достань бумажник и положи на пол.

– Нет.

– Что значит нет.

– Бумажника нет.

– А деньги?

– Тоже нет, квартплата подорожала, – махнул я розовым листком и развернулся.

– Хватит мне зубы заговаривать, – махнула мне в ответ пистолетом девушка. Лицо ее было в маске, которая еще сильнее подчеркивала красоту ее взгляда.

– Живу от зарплаты до зарплаты, с чего вы взяли, что у меня они есть? – «Не сходи с ума и не торопись со словами, тем более выходками. Надо быть умнее гнева и в трудные моменты держать себя в руках, сохранять спокойствие и смотреть, что будет дальше. Это гораздо интереснее, чем потом извиняться за свою опрометчивую глупость», – успокаивал я себя внутри, как очень часто своих пациентов. У всех у них был избыток своих тараканов и недостаток бабочек. Будучи психологом приходилось заниматься энтомологией, чтобы понять, откуда взялось столько тараканов и куда улетели бабочки. Видно было, что девушка не в себе, и привести ее обратно стало моей задачей.

– Пальто, туфли, мужик, давай разойдемся по-хороше-

му, – опустила она ствол на мои туфли. Те, действительно дорогие и блестящие, потупили взор.

– Мы разве женаты?

– Мне это порядком надоело, – снова нацелила пистолет на меня девушка. – Так где деньги?

– Дома.

– Какой этаж?

– Девятнадцатый. На лифте поедem или пешком?

– Двигай вперед, к лифту, и вызывай грузовой.

– Если он работает.

– Только давай без шуток.

– Если вы про чувство юмора, то его у меня нет.

– Сочувствую. Тоже дома?

– Ага, в бумажнике. Какое чувство юмора без бумажника.

Денег нет, сиди – иронизируй, – нажал я кнопку лифта. Где-то вверху сдвинулась кабинка и покатилась к нам навстречу.

– Хватит болтать.

– Я отвечаю на автомате. Вы на пистолете, я на автомате, смешно, правда, – зашел я в лифт первым. – Пластмассовый?

– Почему пластмассовый? – зашла вслед за мной девушка и нажала на «19». Лифт медленно тронулся.

– Сейчас же все ненастоящее, все подделка. Даже сама жизнь, искусственная, пожевал, не понравилась, взял другую, с пистолетом.

– Не переживай, пули здесь настоящие.

– Не переживу, если это не так.

– У тебя что, кризис среднего возраста?

– Да, представляете, даже кризис так себе, средний, тоже подделка. Скукота. Знаете, эта дурацкая привычка, каждый день я с надеждой подхожу к своему ящику. Вот и сегодня. Хотелось настоящего письма в конверте, а в ящике только счет за квартплату. Скучно живем: вода, газ, лифт, мусоропровод, пени, долг; где жизненно необходимые графы: любовь, дружба, романтика или хотя бы цветы? Для любимой. Нет, нету.

– Цветов? – усмехнулась девушка.

– Любимой, чтобы их дарить. Только женщина с пистолетом. Красивая, но ведь и вам скучно. Признайтесь? Скучно живем, – повторил я. Неожиданно погас свет, лифт встал.

– А ты говоришь скучно, – как-то неуверенно пошутила девушка.

– Приехали. Только этого не хватало. Чуюло мое сердце. А я вам предлагал пешком пойти.

– И часто ты ходишь на девятнадцатый этаж пешком?

– Не хожу, не с кем.

В лифте наступила тишина. Минуту, а может быть даже больше, мы сидели в полной темноте, пока девушка не достала телефон и не включила подсветку.

– Предлагал я вам развестись. Теперь жить нам в этой однушке долго и счастливо. Как всегда, квартирный вопрос все испортил, – пытался я найти ту самую нить, которую необходимо было дернуть, чтобы развязать узел ее внутренних

противоречий. Подобно юмористу, на сцене перед незнако-
мой публикой, которая пришла посмеяться, но не знала с че-
го начать. И юморист кашлял юмором, ему было начихать на
мораль, задача была заразить публику, расхохотать.

– Ну раз муж, то делайте же что-нибудь.

– Вариант один, звонить диспетчеру.

– Звоните, – нервничала незнакомка.

Я подошел к пульту управления и вызвал диспетчера:

– Я... мы в лифте застряли.

– С кем?

– Да какая разница, с женой.

– Говорите адрес, – нехотя вернулась к обязанностям жен-
щина.

– А сколько ждать?

– Скоро, – усмехнулся в динамик прокуренный женский
голос. – В вашем доме свет вырубил. Минут через сорок,
ждите. А может и раньше, если свет дадут.

– Что будем делать?

– Не знаю, – вернулась в себя девушка, с нее спал преступ-
ный лоск. Словно только что она была с Клайдом, но тот весь
вышел. Осталась одна Бонни. Женщина вновь стала женщи-
ной. – Говорить.

– Пойти, что ли, чайник поставить?

– Вам не кажется странным, что жертва приглашает пре-
ступника на чай? – присела на корточки девушка.

– Нельзя же вас отпускать в таком состоянии, вы ведь черт

знает что можете натворить. К тому же у вас приятный голос.

– Отпускать, это очень актуально, в нашем случае. Это очень по-мужски, особенно, если женщине некуда идти.

– И она идет на преступление. Не самый лучший способ выхода из тупика. Может, снимете маску? Расскажите, зачем вам весь этот маскарад. Или вирусов боитесь?

– Нет, фальшивых поцелуев.

– Думаете, я после чая сразу полезу целоваться?

– Не знаю, смотря с чем будет чай. – улыбнулась в темноту девушка и убрала пистолет в сумочку.

– С сухарями.

– Вы что, будете не один? – засмеялась девушка. – Извините, я хотела сказать, что у скучных людей даже с сухарями туго.

– Но чай-то есть, вы не сомневайтесь.

– А с чего вы взяли, что я сомневаюсь?

– У вас на лице написано.

– Любите читать? Что же там еще видно?

– Что вам страшно. Вам страшно?

– Очень.

– Чего вам бояться, у вас же пушка!

– Страшно хочется чего-то.

– Замуж? – не дал я ей договорить.

– Как любой женщине: детей, дома, тепла.

– Действительно страшно. Страшно много. Хватит уже мечтать, – едко пошутил я. – Надо действовать.

– А я что делаю?

– Кстати, зачем вам деньги?

– Хочу поменять...

– Что? Мебель, машину?

– Да, кухню – на море. В общем, хочу поменять вид, – усмехнулась девушка.

– Море вам не обещаю, но у меня отличный вид из окна, вы только представьте, в небе спокойно дремлет луна, прикрывшись темным одеялом случайного облака...

Девушка спрятала зевок в руку.

– От вашего вида тянет спать. Особенно от стихов.

– Мне все больше кажется, что мы давно уже любим друг друга.

– Любим?

– Спать без любви последнее дело. Вы же только что звали меня в постель.

Девушка засмеялась. Я любовался ее смехом, чистым и искренним. Что-то во мне щелкнуло, словно после долгих бесплодных попыток, наконец, выпал джекпот. «Нет, не шизофрения, шизофреники по-другому смеются, обычный нервный срыв, каких много, сорвался и летишь, то ли упадешь, то ли поймают сильные мужские руки, не всем везет нарваться на психотерапевта». Мы сорвались, но пока не летели. Лифт завис между небом и землей.

– Разве я похожа на девушку, которая спит с первым встречным?

– Разве я похож на первого встречного?

– Это предложение?

– Почему бы и нет.

– С ума сошли. Мы едва знакомы. Я не знаю, какое чудо для этого должно произойти.

– Например, прямо сейчас работает лифт.

– Прямо сейчас?

– Через десять секунд.

– Идет, считайте.

– Один, два, три, четыре... – после того, как я произнес «десять» вновь наступила тишина, потом неожиданно включился свет, лифт снова напрягся поехал. Было слышно, как шумят его лебедки и тросы, на которых туда-сюда каталась комната с видом друг на друга. Лифт, как никто другой, знал, что жизнь – это цепь причин и следствий, которую надо постоянно смазывать любовью, чтобы не скрипела от обстоятельств.

Мы смотрели друг на друга и улыбались, как влюбленные дураки. Наконец лифт остановился на девятнадцатом. Из него вышли мужчина и женщина.

Подойди и поцелуй его

– Ты безусловно права, но ты же умная женщина, уступи.

Зачем ты с ним споришь?

– Очень трудно тонуть, когда умеешь плавать.

– Вижу, тебя пора спасать.

– Не стоит, это все рабочие моменты. Я сама разберусь.

– Как знаешь, – вспомнил я лицо начальника нашего отдела маркетинга, не понимая, как она сможет с ним разобраться, это все равно что забираться на ледяную горку, скатишься и все, потому что скользкий. – И хватит уже глазеть по сторонам. Лучше скажи мне, что ты будешь пить? – спросил я Полину. Это нельзя было назвать служебным романом, мы просто испытывали симпатии и эта встреча в милом ресторанчике в центре города, была одним из этих испытаний. Язва – я, она – мигрень. Я не знал, чем это может закончиться, я только знал, что она не за мужем, свободна и интересна. К тому же – лето. Лето многое решало в нашем климате, оно приносило тепло и раздевало.

– Как всегда... – вздохнула Полина, разглядывая посетителей ресторана. – Твою кровь.

– Значит, красное. А на горячее ты что-нибудь выбрала? – повторил я, изучая меню.

– Я полистала, в меню нет поцелуев.

– Ты сама их неплохо готовишь.

– Откуда тебе знать?

– Читаю по губам.

– Может быть, но здесь не хватает одного ингредиента.

– А как тебе тот кучерявый, настоящий итальянец, он давно уже нам улыбается, – начал я в шутку, указывая на один из соседних столиков.

– Может, это тебе?

– Ревнуешь? Я бы заметил.

– Как-то странно он на меня смотрит.

– Голодный просто. Ты же хотела поцелуев.

– Мне кажется, он слишком голодный, съест меня без остатка. Я таких боюсь.

– Я думал, ты никого не боишься.

– Боюсь нарциссов. Слов много, дел мало.

– Откуда ты все это знаешь?

– Видно невооруженным взглядом.

– Мне даже страшно представить, что будет, если тебя вооружить.

– Я просто ослепну.

– От чего?

– От фальши. Вся эта мужская красота, она же деланая, стоит только до нее дотронуться. Пух, и исчезнет.

– Мне кажется, этот не исчезнет, – снова посмотрел я на белую рубашку и смуглую кожу противника. Вот так вот за просто мужчина сам себе находит противников, потом начинает нервничать, ревновать и иронизировать. – Теперь он будет пялиться на тебя весь вечер.

– Красивый мужчина, не спору.

– Подойди к нему и поцелуй, – решил я идти до конца.

– Ты в своем уме?

– Нет, в твоём. Ты же только что этого так хотела.

– Ведешь себя как сутенер. Ты меня не ценишь.

– Перестань торговаться, я хотел сказать, что кто-то же должен позаботиться о твоём счастье.

– Черт, он идет сюда.

Как только мужчина подошел, Полина неожиданно встала и поцеловала его в самые губы. Тот начал улыбаться мне, будто извиняясь.

– Ого, вот так сразу?

– Ты же сам этого хотел.

– Я хотел? Ты в своем уме?

– В твоём, и мне там уже порядком наскучило. Ведешь себя как женщина, то хочу, то не хочу.

Все это время итальянец смотрел на нас обескуражено, не зная, что ему делать. Наконец он вспомнил, зачем пришел, спросил у меня разрешения и увел Полину в толпу танцующих. Я понаблюдал немного, как они двигались, один танец, второй, третий. Затем терпение мое закончилось, я оставил на столе купюру, взял с собой бутылку, которую уже почти допил и пошел по Невскому к набережной, к веселым ночным огонькам, дрожащим на поверхности Невы. По жилам весело бежало красное, известно куда, к приключениям. Белая ночь была приятной незнакомкой, с которой я только что познакомился и флиртовал, но тело не обманешь,

оно неуклонно следовало ко сну. Приключение ограничилось словом ключ, которым я вскрыл свою квартиру, включил свет, где вино и усталость завалили меня на кровать прямо в одежде.

Проснулся от телефонного звонка. Это была Полина.

– Ты уже спишь?

– Нет, завтрак готовлю, – ответил я ей, разглядывая время на настенных часах. Время село на шпагат, без пятнадцати три. Оно тянулось, присвоив себе обе стрелки. – Ты будешь есть?

– А что у тебя?

– Ночь.

– Какая ночь?

– Моя ночь, сплю я, понимаешь? Сплю.

– А, да съем, но совсем немного. Только скажи мне сначала, куда ты сбежал?

– Гулять. Вы, конечно, красиво двигались, но после третьего танца мне уже порядком надоело. Как все прошло?

– С итальянцем? Волшебно. Рассказать?

– Ну, давай, – сонно согласился я. – Было что-то?

– Тебе повезло, я разборчива.

– Я даже не сомневался.

– А мне кажется, ты сомневаешься.

– Почему?

– Зеваешь, это первый признак волнения.

– Так ты его поцеловала?

– Еще при тебе.

– В смысле... ну... ты понимаешь, о чем я.

– Я же тебе повторяю, я разборчива. Стоило только ему прикоснуться, я разобрана мелкие винтики, из которых никому меня уже не собрать.

– Я-то здесь при чем?

– Никому, кроме тебя.

– Может, ты сама как-нибудь соберешься?

– Приехать? Я думала об этом, но боялась тебе позвонить.

– Я не в этом смысле, в смысле соберешься сама.

– Да я быстро.

– Приедешь? – опять мы не попадали в резонанс.

– Нет, расскажу тебе быстро. К тому же я не знаю, где ты живешь.

– Это хорошо.

– Что хорошо? Что не знаю?

– Что быстро.

– А-а-а. В общем, мы танцевали, пока музыканты не ушли на перерыв, а потом трепались о том о сем две бутылки подряд.

– Ну и что ты выяснила?

– Он итальянец...

– Я же говорил.

– ...и трепло.

– В смысле?

– Он что-то говорил, я почти не слушала, все мысли бы-

ли о том, как после танцев он обнимет ее еще крепче, его руки лягут на мои ягодицы, а голос с придыханием заставит открыть незнакомцу все окна и двери. Слушаешь?

– У меня идеальный слух.

– А чувство юмора?

– В три часа ночи? Спит.

– Разбуди, скажи, что я шучу. Потом он рассказал про свою жену, что они скоро ждут ребенка.

– Вот подлец, а так красиво улыбался.

– Но это еще не все.

– Какая длинная история для трех часов ночи, давай ты мне скажешь, чем все закончилось, а остальное завтра обсудим?

– Ничем... еще три года назад.

– В смысле?

– Это был мой бывший муж.

– Как бывший?

– Так, ты думаешь у меня не может быть бывшего мужа?

– Итальянец?

– Ты думаешь, у меня не может быть бывшего мужа итальянца?

– Нет, ну я думал... от таких не уходят, – начал я выкручиваться из ситуации.

– Да, от таких не уходят, но такие способны уйти сами.

– Спать?

– Не спать, в том-то и дело, что не спать. Думать, терзать-

ся, переживать.

– Хватит думать, это делает тебя несчастной.

– Тогда кто же за меня будет думать?

– Я.

– Ты? Ты уже поди десятый сон видишь.

– Так три часа ночи.

– Ну и что? Разве в три часа ночи ты меня не любишь?

Путешествие домой

По ее искренней улыбке было видно, что она отчаянно ищет позитива при полном крушении надежд... Это я улыбнулась окну и увидела свое отражение, в то время, как поезд набивал свое, бубнил, будто рассказывал что-то совсем без выражения, на одном дыхании, разделяя стуком равные по длине и смыслу предложения, повторяя как мантру одно и то же, одно и то же. Это дыхание пути своей монотонностью пыталось отмерить тонны километров между людьми, чтобы пришить как можно быстрее отчаливших к встречающим. Скука движет человечеством. Люди по-прежнему продолжают скучать, двигаясь навстречу друг другу. Я не была исключением. Я тоже скучала. Я ехала к матери. Ехать было двое суток, но никогда не было жаль этих отпускных дней, так как проживала их в таком приятном покое купе. Особенно сейчас, когда она была одна. «Вот бы больше никого?» Доехать так до родного дома одной, со всеми своими мыслями, чтобы ни с кем не делиться, никого не слушать, не улыбаться, не поддерживать огонек симпатии. Спокойно пить чай из стальных подстаканников, в которых непременно будет покачиваться круг лимона. Потом заказывать еще, выходить на всех больших станциях, чтобы купить местных угощений, а может быть даже соленой рыбки с пивом, если будет совсем скучно. Хотя все это у нее было с собой, она не могла возвращаться домой с пустыми руками. С пустым сердцем, да, но без гостинцев – никогда. Хотя мать умиляясь

и раскладывая их по шкафчикам все время нарочито ворчала: «Зачем ты так тратишься, у нас тоже все это есть».

Не успела я так подумать, как купе открылось и вошла женщина средних лет.

– Добрый день, – настраивалась я на долгую беседу ни о чем. Женщина была средних лет, среднего телосложения, средней привлекательности, но высокой разговорчивости. Казалось, речь ее соревновалась в скорости с поездом за звание скорого.

Я зачем-то узнала, что отец ее коллекционировал марки и был поклонником Уитни Хьюстон, из-за чего она с детских лет учила английский и ходила в музыкальную школу на класс вокала. Она никогда не любила петь, она обожала готовить, возможно, поэтому рано вышло замуж и теперь пела песенки Уитни Хьюстон, когда стряпала на кухне. Мужу это не нравилось. Он был фанатом Ким Кардашьян, с тех пор как он увидел ее выходящей из моря, он так и не пришел в себя. В общем, они развелись. Не сошлись характерами, ей хотелось жить в маленьком городишке, где все улыбаются, ему – в мегаполисе, где все грустят. Он любил пиво, она кофе, но когда ничего не получалось в жизни, ее выручал бокал вина. Она работала в офисе – ей нравилась эта рутина, говорить всем по утрам привет, пить кофе, обсуждать сплетни, собираться на корпоративы.

Только после развода, она поняла, что такое свобода. Что секс – это не супружеский долг, это не развлечение, это сила

чувств.

Она будто вышла из темноты. Возможно, причиной плохого освещения были гормоны, возможно, без них жизнь не пришла бы к такому абсурду, когда все подчинено воле одного человека. Любовь, секс и еда – вот то, что делало ее по-настоящему счастливой. Но любви не было, секс был давно, а еда приелась. Поэтому по утрам она принимает холодный душ. Это всегда хорошее начало дня, после такого вряд ли что-то может быть хуже. У нее нет любимого цвета и любимого блюда, возможно, вся проблема в отсутствии любимого. Иногда ей кажется, что она уже не сможет любить.

Пока соседка раскладывала свои вещи, я смотрела в окно и фантазировала, продолжая строить рамки чужому воображению. Когда наши взгляды встретились, женщина в очередной раз улыбнулась, но кроме доброго «Добрый день» не проронила больше ни слова, она так и не завела разговор. Это был монолог, который я придумала за нее от начала и до конца. Она достала спицы, клубок шерстяных ниток и принялась вязать. Спицы в ее руках были легки и послушны, словно спицы велосипедного колеса, летящего по бесконечной шерстяной дороге.

От этого мягкого молчания Марине тоже стало тепло, она вспомнила, как сидя в кресле, бабушка вязала шерстяные носки. Иногда та подзывала Марину, снимала со спиц готовый носок и просила примерить. Мягкое тепло тут же согревало душу. Так, неторопливо и спокойно, бабушка умудря-

лась связать носки всем своим детям и внукам. Они приезжали к ней не за словами, а именно за этим теплом, тепло связывало всех.

Курьер

Суббота хороша, когда есть кем укрыться и спать дальше. У меня было только одеяло. Так себе заменитель ласки, не успела я в него завернуться, как меня разбудил звонок. Я лежала и слушала, не узнавая своего телефона, это был звонок в дверь. Я посмотрела в глазок, за дверью стоял мужчина. Курьер принес посылку. Лицо было в маске, но глаза, которые неожиданно забегали, при виде меня в бестолковых поисках убежища, показались мне знакомыми. «Нет, слишком растерянные, хотя и красивые». Я забрала заказ и закрыла дверь. Не дожидаясь осени, распаковала сверток и натянула искусственно выделанную итальянскую кожу на свои ноги. Подошла к зеркалу стенного шкафа, которое упиралось в пол. «Как тебе?» – «Какие же у меня красивые ноги» – ответила сама себе и прошлась по квартире до кухни. Сапоги снимать не хотелось, настолько они показались мне родными, хотелось кофе. Кофе. Только он мог поднять меня утром, объяснить, кому надо позвонить и что сделать до следующей встречи с ним. Открыла шкаф, достала турку. Засыпала кофе, налила воды и поставила турку на огонь. Много ли надо женщине для счастья? Кофе, Италия, сапоги. Впрочем, судя по карте, у двух последних было довольно много общего. Я смотрела на кофе, в котором закипали воспоминания:

– Что будешь пить? – отвлек он меня от горизонта, где закатывалось солнце.

– Кофе. Вот, вот о чем я всю дорогу мечтала. Вспомнила.

– Кофе? Поехать в Италию, чтобы пить кофе?

– Да. Почему бы и нет. Особенно кофе на молоке. Мой любимый. Только чур, я плачу сама.

– Ты делаешь мне больно, – усмехнулся я. – Тем более, что я его уже заказал.

– На молоке?

– Именно на молоке.

– Интересно, что заказываешь ты, а мечты сбываются у меня.

– Откуда ты знаешь? Может, это и моя мечта тоже. Познакомиться с тобой здесь. Часто мечты летают стаями.

– Ага, и всегда в одном направлении. На юг, к теплу.

– Это легко объяснить. Здесь люди приветливее и сбывать легче.

– Твоя правда. В современном мире каждый сам отвечает за сбыт, у каждого свои мечты.

– И свои вредные привычки.

– Не бросай.

– Ты про кофе?

– Не только. Ты предугадываешь мои желания. Как бы ни менялись нравы, женщины всегда будут ценить тех, от кого несет их мечтами, – краем глаза я уже видела официанта, который лавировал между столиков приближаясь к нам. – Какая прелесть, – улыбнулась я сначала официанту, потом кофе. На большом блюде передо мной возник высокий бокал с любимым напитком. Я тут же поднесла к нему нос, своего

рода приветствие. Так люди узнают свое, родное. Запах кофе сводил с ума.

– А на десерт?

– Я не люблю сладкое.

– Какая наглая ложь. Все любят сладкое. Тебе бы понравился баракито. Кофе по-канарски. Это смесь кофе и десерта, tenerifский кофе, в состав которого входит кофе, гущенное молоко, цедра лимона, молоко, есть вариант три в одном, когда добавляют еще ликер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.